

тельно усилена. Во дворе находилось около сотни солдат. Солдаты ненавидели французских клириков, считая, что благодаря их стараниям Дева избежала казни. Поэтому, когда члены суда проникли во двор, посыпались оскорбления и угрозы. Тщетно один из бакалавров пытался объяснить недоразумение. Его чуть не оглушили алебардой. Под крики: «Изменники! Арманьяки!» — попы, подбирая подола своих балахонов, с кудахтаньем разбежались.

Только на следующий день, в понедельник, сам монсеньер Кошон, сопровождаемый инквизитором и надежным эскортом из людей графа Варвика, проник в башню Жанны.

Там он пробыл довольно долго.

Граф Варвик с нетерпением ожидал епископа. Граф помнил обещание, данное ему 24 мая. Его крайне беспокоила судьба Жанны: он все еще боялся, как бы девушка не ушла от смерти. Сегодня он должен был уезжать из Руана. И вот, несмотря на то, что назначенный час отъезда давно прошел, граф все еще медлил, желая быть твердо уверенным, что епископ сдержал слово.

Наконец Кошон во главе своей свиты появился на пороге, и граф Варвик все понял по выражению его лица. Встретив взгляд графа, епископ рассмеялся и сказал всего лишь одно слово:

— Farewell¹.

Это простое слово сейчас в его устах означало многое.

Оно говорило, что граф может спокойно уезжать.

Оно поясняло, что монсеньер епископ недаром получил свои сребреники, что его «честный труд» после всех опасений и проволочек завершился полной удачей.

Оно значило, что Дева погибла.

Это произошло так.

Сразу после «отречения» Жанну отвезли в ее не-

¹ Farewell (англ.) — до свидания, прощайте, доброго пути.